

© Владимир Цивин 2021.

О Василии Цыганкове.

Хочу вспомнить и рассказать о моих ушедших друзьях из «Одной композиции». О Наташе Савиновой я уже писал в сентябре. Сегодня - о Василии Цыганкове, позже - про Сашу Задорина и Владимира Сергеевича Васильковского. Иллюстрировать посты буду в основном фотографиями их работ из моей коллекции, собранной за полвека, исключительно из подарков моих друзей и коллег.

О Василии Никитиче Цыганкове

Василий Цыганков обладал качеством подлинного художника — умел удивляться жизни, как ребенок. Его последние маленькие работы из дерева, камня, металла — не только результат его дачной жизни в Юкках, но и итог этого радостного удивления природой. Мне кажется, что и смерть он встретил с удивлением. Его работы похожи на «Опыты» Монтеня — такой же спокойный, внимательный, философский взгляд на частности. Он был очень остроумным, то есть обладал острым умом и мыслил парадоксами.

Все его работы — это автобиография его духовного роста. Он был в постоянном творческом движении, отнюдь не прямолинейном, двигался зигзагами, не любил повторяться. Каждая новая композиционная идея сопровождалась поиском новой, уникальной, только для этой идеи необходимой, технологии. Василий одним из первых начал глубоко говорить в глине о самом серьезном — вполголоса, без пафоса, так, как всегда говорил в жизни. Кирпич и роза (общество и природа, хаос и гармония, бытие и сознание, утопия и реальность, мягкое и твердое, объем и плоскость, объект и его отражение) — тема его творчества.

Алтайские корни питали его всю жизнь. Даже в пустынях Аризоны он находил общее с природой Алтая. Он жил с удовольствием и прожил такую жизнь, какую сам себе выбирал и строил. Василий умел очень толково организовать вокруг себя независимое от окружения автономное жизненное пространство, достойное его, ему соответствующее и соразмерное. Это тоже качество большого художника.

Как нравилось нам с Васей в его уютной мастерской на Невском 66, конечно выпив перед тем водки под знаменитые Васины кислые щи, не спеша предаваться итальянским воспоминаниям. Интересно было, что маршруты были те же, а Италия у каждого своя. Вася сам был блестящим рассказчиком, но при этом умел так слушать, что ему хотелось все рассказать. Это его редкое умение с удовольствием слушать собеседника иногда дезориентировало меня, и я терял контроль. Он часто, показывая свои новые работы, вкрадчиво просил: «Поругай меня». И я честно ругал. Вася очень внимательно слушал, склонив на бок голову, курил, круглые глаза его расширялись от восторга. Я распалялся и снова ругал. Никто с таким интересом меня не слушал и никто так остро не нуждался в моей критике и в моих советах. Добавлю, что, пожалуй, не вспомню, чтобы, когда либо Василий воспользовался ими и хоть бы, что либо, поменял в своих изумительных работах. Он был не только моим коллегой, но и учителем, ведь у коллег мы учимся не меньше, а, может быть, больше, чем у учителей. Я учился у Василия очень многому, он был и остается одним из самых дорогих и главных людей в моей жизни.

10.10.1995 — 27.10.2003

Фотографии с комментариями:

В. Цыганков. «Кирпич». 1972. Н — 25 см. Красная глина, глазури. Из коллекции М. Копылкова.

Это - пробник к композиции из 5-и подобных кирпичей, которая получила приз на Международном конкурсе керамики 1973 года в городе Фаэнца (Италия). Василий был одним из первых советских призеров и первый из нас съездил за премией в Италию. Жюри отметило и философию этой работы и технологию. Их поразило, как художник смог так виртуозно добиться такого огромного количества трещин в красной глине, несовместимых с жизнью изделия. Им и в

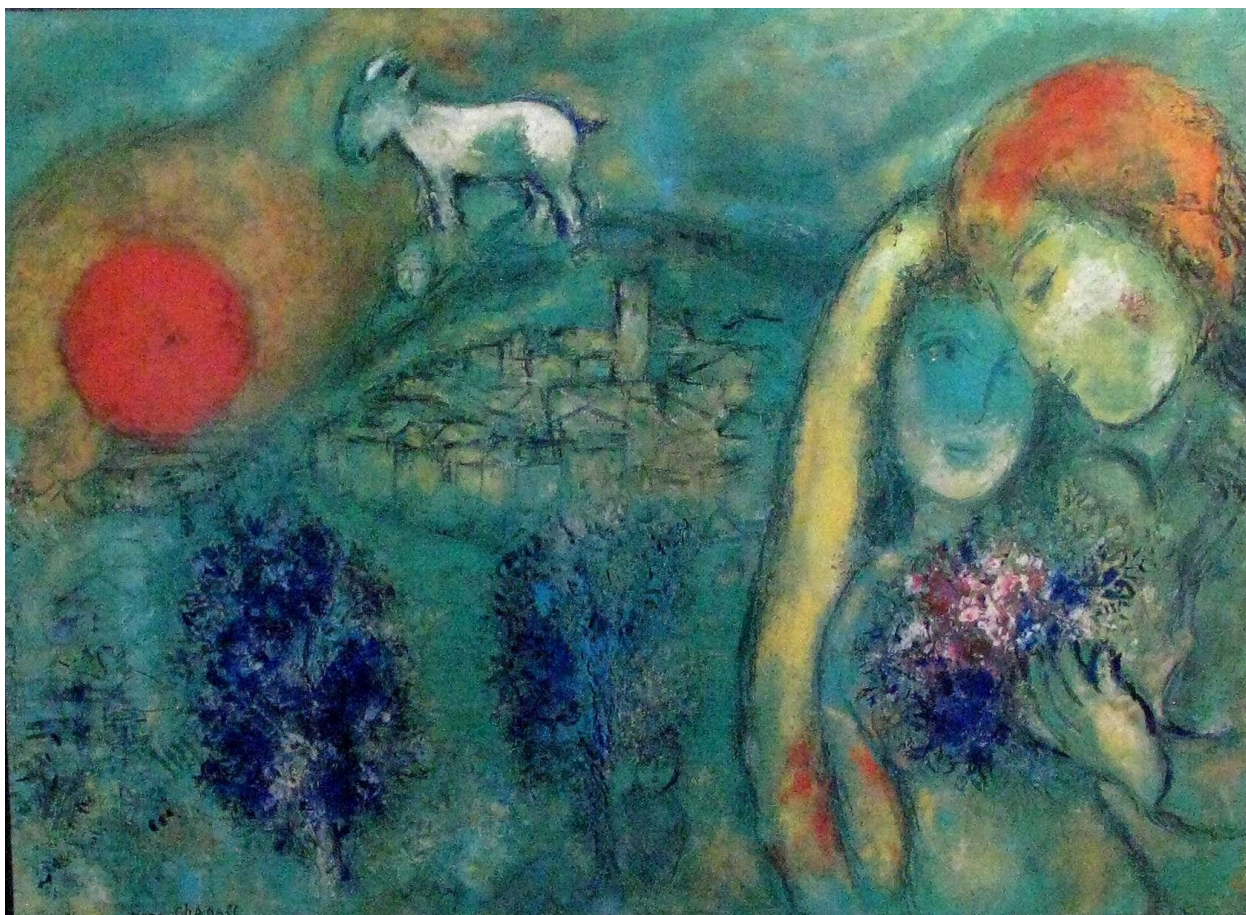
голову не могло прийти, что автор не специально изготавливал особую массу для своих кирпичей, а использовал обычные (как правило, недожженные, полубракованные, плохо отформованные) советские кирпичи, готовые к строительству коммунизма. Вася лишь отобрал кирпичи с глубокими выразительными трещинами, ввел их в работу, обыграл их росписью, некоторые трещины превратились в шипы розы. Эти трещины, расколы, несомненно, добавили драматичности, даже трагичности композиции, работали на резком контрасте с прекрасной росписью. Я видел эту композицию в музее Фаэнца – для меня, она про нашу жизнь в социализме - мощный платоновский образ Великой утопии. Красивая идея и ужасная реализация. Второй вариант этой композиции находится в коллекции ГРМ.

В. Цыганков. Пласт «Солнце». 1972. 32 ´32 см. Шамот, глазури. Из коллекции В.Цивина.

У Васи про солнце есть большой и очень живописный цикл. Красные селеновые глазури очень капризны, чуть повыше температура – они выгорают. Вася колдовал с глазуриями и с цветной смальтой как настоящий алхимик долго, упорно, азартно. Солнце его было разным – красным, оранжевым, желтым как яичница-глазунья, даже голубым и зеленым. Обжигал работы иногда по 10 - 20 раз, пока они не набирали нужные ему безупречные живописные качества. Так нынче никто не работает, разве что приближается Марина Степанова-Ланская. Обжигал в хорошей самодельной печке нырляке в полуподвале Русского музея. После Мухинского, в 60 – 70-е годы, Вася работал 15 лет штатным художником ГРМ, занимался печатным выставочным дизайном, сочинял хорошие плакаты к многочисленным выставкам, но главная заботой, работой, страстью была керамика. Директор Русского музея высоковольтный, страстный В.А.Пушкарёв, обладающий уникальным нюхом на большие таланты, стал его поклонником, покровителем,

старшим другом. Он позволил и помог организовать в музее керамическую мастерскую для Василия, закупал его работы и выставлял их в постоянной экспозиции, а в середине 70-х выбил в Правлении ЛОСХа для никому не известного прикладника престижную, стационарную студию на Невском проспекте. Он был очень влиятельным, ибо хоть функционеры ЛОСХа и получали звания и госпремии от режима, но станут ли они бессмертными, как Малевич и Филонов, попадут ли их работы в Русский музей, зависело от Пушкарева. Вася прожил эти 15 лет счастливо и плодотворно, как молодой Микеланджело у Козимо Медичи в садах Боболи. Когда коммунисты выдавили неудобного Пушкарева из музея, тотчас уволился и Василий.

М. Шагал. «Любовники». 1957. 75 ´55 см. Холст, масло. Из частной коллекции. Факсимильная репродукция на картоне в раме. Копенгаген. Эту супер качественную репродукцию Вася подарил мне в 1979 году на мое сорокалетие. Картина и пласт «Солнце» долго висели в разных комнатах моей мастерской, и я не сразу заметил, как похоже Васино солнце на солнце Марка Шагала

В. Цыганков. «Плачущий горшок». 1982. 24 ´24 см. Н – 17см. Красная глина, глазури. Из коллекции В.Цивина.

Люблю эту очень пластичную серию. В Комбинате ДПИ мы с Васей Цыганковым, Мишей Копылковым и Владимиром Сергеевичем Васильковским много лет работали в одной комнате. Видел не раз, как Вася сырой сосуд из этой серии срезал с гончарного круга и резко и точно бросал его на край стола. Либо медленно аккуратно ставил и вибрацией стола (поднимая за один край столешницу и опуская со стуком ножек стола о пол) заставлял горшок проседать точно так, как он задумал. Материал (глину, дерево, металл) Вася чувствовал, понимал, слышал как животное, на каком-то клеточном уровне..

В. Цыганков. Рельеф «Смятая чашка». 1990. 12 ´12 см. Фарфор, глазури, деколь. Из коллекции В.Цивина.

В начале 90-х Вася и Наташа Савинова дважды работали на фарфоровом симпозиуме в Польше, в Валбжихе, недалеко от Вроцлава. Вася пришел в гости и подарил мне эту чашку со словами: «Вез тебе из Польши в подарок чайную чашку, но, прости, она в чемодане помялась...». Только ленивый художник не восторгался на заводе смятыми отбросами сырья, идущими в переработку, не обжигал их, не использовал как-то в своих композициях. Но только остро умный Цыганков смятое сырье обжег на утиль, заглазуровал, поставил на политой обжиг и затем догадался наклеить деколь с цветочками (очень искусно, кстати), как на готовую продукцию и снова низко обжег. Получилась полная достоверная иллюзия, что помялась готовая чашка! Вася, так мне и сказал.

В. Цыганков. Ваза 1979. Н – 18 см. Красная глина, окиси, глазури. Из коллекции В.Цивина.
Эта маленькая, скромная терракотовая вазочка - проба. Вася пробует оттискивать в глине кружева. Потом у него соберется хорошая коллекция крупных, роскошных кружев, сеток и он будет их отминать, как всегда с азартом на больших и очень больших блюдах, с ренессансными бортами. Вслед за ним это будут делать многие в комбинате ДПИ. Вася многое делал первым, был

первопроходцем, он закончил Мухинское в 1960, обогнал почти всех лет на 10. Например, он первый стал использовать медную окалину, которую собирал из отходов от чеканки скульптуры, смешивал с водой и глазурью и этой бузой поливал или втирал в обожженный утиль. Получалось очень выразительное естественное матовое покрытие. Потом окалину активно применяли и Саша Задорин, и я, и многие другие.

В.

Цыганков. «Святой Себастьян 1». 1990-е. Н - 24 см. вместе с постаментом. Дерево, олово, диабаз. Из коллекции В.Цивина.

В последние 2-3 года Василий стал часто болеть. Помню его в больнице, после операции Он был весь, как паук обвешен, обмотан паутиной каких-то трубочек, выглядывали только черные круглые веселые глаза. Вася, как всегда, дымил сигаретой, как паровоз и травил анекдоты. Когда-

то он вспоминал, как в конце 40-х вся их деревня высыпала на улицу смотреть, любоваться, восхищаться огромным атомным грибом на горизонте. Шли испытания (Наташа рассказывала, что когда они в конце 80-х навещали на Алтае Васиных родственников, почти всех его одноклассников уже унесла онкология). Вася стал больше времени проводить в Юкках, на даче, на природе, в лесу. Приносил оттуда , то деревяшки, то камни, то еще какие-то маленькие артефакты которые его удивили, взволновали, остановили. Что-то отпиливал, что-то приклеивал, где-то утяжелял низ, для устойчивости заливая его внутри оловом. Каким-то таинственным образом они усыновлялись, присваивались – превращались в привычные Васины «цыганковины»

В. Цыганков. «Святой Себастьян 2». 1990-е. Н - 25 см. Дерево. Из коллекции В.Цивина. Работы этого периода, а их довольно много, напомнили мне о Генри Муре. Я не встречался лично с Генри Муром, но некоторые мои коллеги встречались с ним в «Perry Green», когда с

делегациями советских художников посещали Англию. От них я узнал забавный эпизод их встречи, который хочу привести в качестве примера присвоения. В конце визита наши художники, как было принято, подарили хозяину сувениры — книги, матрешки, хохлому, водку и т. д., и т. п. Мур не остался в долгу и одарил посетителей по царски, подарив каждому по своей работе. Так он выразился. В углу студии стояла большая корзина, наполненная морской галькой, речными камнями, раковинами, фрагментами костей птиц, рыб и животных. Мур объяснил, что местные мальчишки таскают ему это добро тоннами. Он отбирает из этого единицы, которые его особенно интересуют по пластике, и платит за каждый понравившийся экземпляр по пять пенсов. Некоторые из этих объемов он использует в своей работе, долепливает, дорабатывает, и затем помощники увеличивают их, иногда до многометрового размера. Некоторые объекты лежат годами и ждут своего часа. Вот из этой корзины и подарил Мур каждому гостю по камню, назвав их своими работами, присвоив себе работу природы. Но кто же бросит в него этот камень, им же отобранный, выделенный из сотен других камней! Ведь отбор — один из самых важных этапов художественного процесса, и совершив его, он вправе включить освоенный, открытый им объект, в свое личное пространство, почувствовать его своим. Он вправе присвоить ему свое имя, как мореплаватель или астроном дает свое новой земле или звезде — новому для него объекту природы.

В. Цыганков. «Балясина». 1990-е. Н - 29 см. Дерево, покраска. Из коллекции В.Цивина.
Вася с Наташей не раз ездили гулять в Рыбацкое, старинную деревню 18 века на левом берегу Невы, ровесницу Петербурга. На развалинах старого богатого дома, нашел Вася обломок этой балясины, скорей всего фрагмент балконного или лестничного ограждения. Привез ко мне и

подарил, зная мою любовь к руинам. Он их, кстати, тоже любил, собрал на руинах очень хорошую коллекцию кирпичей, с клеймами. Стоит у меня на полке уже лет 30 эта балясина, смотрю на нее, люблюсь и иначе, как работу Цыганкова ее и не воспринимаю.

Василий Цыганков, Владимир Цивин.1980-е.

Хочу сказать несколько слов о его мастерской. Ведь любая мастерская - автопортрет художника, зеркало его мышления, творческого процесса. Пространство студии было так целесообразно, гармонично, разумно организовано, что само по себе оставляло впечатление готового произведения. В ней хотелось бывать, да в ней многие и бывали, но не толпами, а по одному, максимум вдвоем, для диалога, для дружеской беседы вполне достаточно. Васиные работы не стояли на стеллажах, как обычно у всех, а были складированы в двух кладовках, задрапированные холщовыми занавесками. Общался он со старыми работами только по необходимости, видеть каждый день их не хотел, возможно, хотел делать новые работы с чистого листа. Зато, напротив, вдоль самой длинной стенки с арочным окном, над батареями, примерно на уровне глаз невысокого человека (Василия), шла длинная, длинная полка. На ней были выставлены всякие артефакты природы и цивилизации, большие раковины с Карибских островов, камни, галька, деревяшки из леса, коллекционные кирпичи, старые большие лупы, антикварная утварь, – все, на что лег Васин глаз, все, что его глаз радовало. В середине комнаты - монументальный, устойчивый рабочий стол (изготовленный по Васиным чертежам) был тоже предельно длинным. Одна часть была уложена толстыми плахами и в них были засверлены много отверстий, куда точно в соответствии с диаметром, вставлялись все необходимые инструменты сверла, отвертки, шила, напильники, плоскогубцы, круглогубцы, ножницы, шпатели, штихели, кисти, флейцы и так далее. На всех инструментах - выточенные Васей на токарном станке очень удобные, прекрасные ручки из карельской березы. Вторая часть стола была приподнята с одного края, как на мольберте, или на столе чертежника и предназначалась для рисования, для эскизов, для графики. Третья свободная и готовая к любому действию – лепке, столярному делу, коллективному застолью.

Слева на торцовой стене стеллажи, там библиотека, фонотека, фотоархив. Справа, напротив, в углу небольшой обеденный квадратный стол, над ним в красном углу висят и стыкуются как в складне два зеркала. Из-за этого даже если ты за столом выпивал рюмку один все равно казалось что соображаешь на троих. Потом Вася повесил у зеркал небольшую цыганковину, вместо абажура, рядом со столом удобное мягкое кресло. В коридоре - туалет, ванна, фотолаборатория, холодильник, на стенах - плакаты из Фаэнца, авторские литографии А. Л. Каплана. Сказать, что в мастерской был порядок, значит, ничего не сказать. Это был слепок, воплощение необыкновенно гармоничной, уникальной личности и одновременно системное пространство полного автономного жизнеобеспечения космической станции или подводной лодки, готовой к полету или дрейфу. В мастерской висело несколько антикварных часов с гирями и прекрасными циферблатами, Вася их любил, разбирал и ремонтировал всегда сам. Когда он умер, они все за несколько дней, как по команде остановились.

Красная музыкантская команда. 1920-е годы. Во втором ряду, крайний справа, с валторной, сразу за отрезанным барабанщиком – отец Василия, Никита Цыганков (если мне не изменяет память), в будущем сельский учитель на Алтае. Из архива В. Цыганкова. Вася с детства мечтал о Ленинграде. Возможно, это объясняет, почему он службу в армии проходил в Ленинграде, в училище подводников, что до сих пор находится в самом начале Большого проспекта В.О. Там за кирпичным забором стоит большой храм псевдо византийского стиля, посвященный погибшим морякам, ныне действующий. Вася рассказывал, что в начале 50-х, там был учебный бассейн, где курсанты в скафандрах тренировались на глубокое погружение. В 1955 Васю комиссовали и он слету сдавал экзамены сначала в Академию художеств на живопись, потом в Мухинское на керамику. Зачислен был в оба ВУЗа – выбрал керамику. Он хорошо знал русскую литературу, любимыми писателями были Гоголь и Салтыков-Щедрин – мог долго по памяти их цитировать. Очень глубоко знал и чувствовал классическую музыку, собрал отличную коллекцию любимых произведений в разных исполнениях, часто часами их слушал и сравнивал. Так и вижу как Вася очень аккуратно, как драгоценность достает из конверта пластинку и тыльными сторонами ладоней, почти не касаясь края, медленно, сосредоточенно укладывает на очень хороший, по тем временам, проигрыватель с колонками. Мы усаживаемся в кресла, и наша

слегка подогретая алкоголем беседа минут на 40 затихает... Он и сам был музыкально одарен, по самоучителю освоил гитару, играл с удовольствием по нотам довольно сложные пьесы. Очень хорошо и азартно готовил. Продукты всегда покупал на Кузнечном рынке, его рассказы о том, как правильно надо выбирать на рынке косточку для кислых щей, надо было бы записывать. Был необыкновенно артистичен. Никогда не забуду, как однажды Вася голосом показывал, имитировал, как хряк в хлеву ждет еду, ест и радуется потом. Очевидно, что этот процесс был многократно наблюден в деревенском детстве, но так его запомнить и так достоверно воспроизвести через много лет мог только актерский талант. Однажды он вдруг стал на холсте увлеченно писать портрет своего деда и сделал это вполне профессионально, в духе Крамского, затем собрал этюдник и закончил это занятие. Он обладал бесконечным чувством юмора, всегда был готов улыбнуться, поддержать шутку, молниеносно откликнулся на анекдот анекдотом. Среди своих, мог применить и матерное слово или выражение, но при этом всегда тут же добавлял: « Как говорит, Нина Степановна». Нина Степановна Кочнева, профессор кафедры керамики в Мухинском, преподававшая роспись по фарфору, была тишайшее, интеллигентное и благовоспитанное существо, играющее на фортепьяно Шопена, читающее французов в подлинниках, которое и слов то таких не знала. Однажды она неосторожно спросила Васю: « Василий, говорят, что Вы меня цитируете?» На что Вася невозмутимо ответил: « Да, Нина Степановна, цитирую. Часто и с удовольствием!» Дамам Вася всегда дарил только одну розу, но царскую, по особым случаям или датам мог подарить и керамическую (у моей Элки одна такая хранится – прелестная).

Плакат посмертной и единственной персональной выставки В. Цыганкова в Академии Штиглица в Санкт Петербурге. 1995. 60 ´40 см. Автор В. С. Васильковский. Из коллекции В.Цивина.

Выставка была восхитительная. Работы, абсолютно мирового уровня. Делали мы ее вместе с Мишей Копылковым. Везти бы ее по миру и хвастаться. Думаю, что особенно ее бы оценили в Японии. У Цыганкова родственный с японцами подход к керамике. Не выходя из традиционного поля гончарного сосуда, не заходя на территорию скульптуры и живописи, искать и открывать в материале все новые и новые возможности, достигая глубины порой космической.

На выставке «Парадоксы» в Царицыно. 2021. Композиция В. Цыганков из фондов
Всероссийского музея декоративного и народного искусства.
Эта композиция Василия (не помню точно название, то ли «Реставрация», то ли «Ремонт»)

конечно диалог со знаменитым блюдом «Ремонт ангела» В. С. Васильковского, учителя и близкого друга Цыганкова (разница между ними всего 11 лет). Она, также, хороший пример большого и длительного периода острого, неожиданного, небывалого сочетания двух материалов – керамики, фарфора и металла. Живое, трепетное, глиняное тело сосудов, прибивается к плоскости пола настоящими кованными гвоздями, протыкается тонкими пиками, одевается металлическими конструкциями. Жутко, больно, жестоко, физиологично. Василий без конца возвращает нас к Распятию, к Страстям Господним. Почему металл, откуда? Дело в том, что с 1978 года и до своего ухода в 1994, Василий Цыганков 16 лет преподает композицию, в Академии Штиглица на кафедре художественной обработки металла. Не просто преподает, а является одним из четырех отцов-основателей новой кафедры. Он был и остается блистательным учителем и примером для многих, многих учеников. Недаром на кафедре они (теперь уже профессора и доценты), до сих пор его любят как родного, боготворят и гордятся им. Как пример и результат его преподавания приведу лишь два имени его любимых и в высшей степени достойных учеников – Юрий Саркисян и Игорь Андрюхин.

Василий Никитич Цыганков.1980-е.

Художники – это бесчисленное множество сообщающихся сосудов. Все на всех влияют и это нормально, особенно в молодости. Васильковский в юности был под влиянием «Мира искусства, Задорин – Пикассо, Копылков – Тышлера, я – под влиянием первого этажа Эрмитажа и т.д. и т.п. Василий Цыганков был абсолютный самородок. Он ни на кого не похож, не только в ленинградской керамике, не только в российской, но и в мировой. Его работы ни с кем не спутаешь и сразу узнаешь, как работы другого гения Петериса Мартинсона. Они оба сформировали, выстроили себя сами, были и остаются для тех, кто понимает, (National treasure)

национальным достоянием своих стран. В Латвии, слава Богу, Петериса помнят, скоро откроют его музей в Даугавпилсе, организовали и раскручивают международный конкурс его имени, много его работ постоянно выставлены в центре Марко Ротко. С Васей все не так, как всегда у нас в России. Хорошие коллекции его работ в ГРМ, Музее истории СПб, в Царицыно (тут могу и ошибиться) глухо хранятся в запасниках, в постоянных экспозициях их нет. Критика, искусствоведение молчит, после смерти Васи прошло почти 30 лет, но я помню только одну очень толковую статью Юлии Гусаровой о творчестве Цыганкова([terrahumana.ru>arhiv/10_04/10_04_32.pdf](http://terrahumana.ru/arhiv/10_04/10_04_32.pdf)). Он конечно достоин большего - статей, диссертаций, монографии, музейной, ретроспективной, персональной выставки (в 2022 ему будет 90), с хорошим каталогом. После смерти Василия Наташа Савинова собрала и распечатала на принтере сборник воспоминаний и эссе друзей и коллег «Памяти Василия Цыганкова» - это очень ценный материал и хороший задел для будущих исследований.